

ПОЧЕМУ У ДОКТОРА УОТСОНА НЕ БЫЛО ДЕТЕЙ?

Известно, что доктор Уотсон некоторое время был женат. Более того, многие холмсианцы спекулировали на путанице с датировками событий Канона, устроенной по небрежности Конана Дойла, и приписывали Уотсону повторный брак или даже три брака в течении его жизни. Но сам автор, скорее всего, полагал, что доктор Уотсон женился всего один раз в конце 1888 года на мисс Мери Морстон и прожил с ней вплоть до ее смерти в 1893 или 1894 году. То есть как минимум пять лет. Беременность была неотъемлемой и неизбежной частью жизни любой состоящей в браке или сожительстве викторианской женщины. В середине XIX века англичанка в среднем рожала до 6 детей, а свыше 35% всех замужних женщин имели восемь и более детей. У самой королевы Виктории их было девять. Почему же Уотсон так и не стал за пять лет отцом? Заглянем в поисках ответа за закрытую дверь.

Семья в викторианском обществе

Во главе средней викторианской семьи стоит патриарх, который поздно женился на девственной невесте. Он имеет редкие и сдержанные половые отношения со своей женой, которая, истощенная постоянными родами и невзгодами брака с таким тяжелым человеком, проводит большую часть своего времени лежа на диване. Перед завтраком он устраивает продолжительные семейные молитвы, для укрепления дисциплины порет розгами своих сыновей, насколько возможно держит дочерей необученными и ни о чем неосведомленными, выгоняет беременных горничных без оплаты и рекомендаций, тайно содержит любовницу в каком-нибудь тихом заведении и, вероятно, посещает малолетних проституток. Женщина же поглощена заботами о хозяйстве и детях, а когда муж ожидает от нее исполнения супружеских обязанностей, «ложится на спину, закрывает глаза и думает об Англии» - ведь больше от нее ничего не требуется, ибо «леди не двигаются»:

Этот стереотип о принадлежащей к среднему классу семье викторианской эпохи сложился вскоре после смерти королевы Виктории и до сих пор бытует в обыденном сознании. Формированию такого стереотипа способствовала та система поведения, с собственной моралью и собственной этикой, которая была выработанная средним классом к середине XIX века. В системе этой все сферы жизни были поделены на две категории: на норму и на отклонение от нее. Частью эта норма была закреплена законодательно, частью выкристаллизовалась в викторианском этикете, частью определялась религиозными представлениями и предписаниями.

«А вас об этом и не просили, сэр!» – сказала она.
Сэр Лоуренс Альма-Таделма, 1896.

Нормой для мужчины было активное участие в общественной, политической и деловой жизни. Он обеспечивал финансовое благосостояние семьи, он не покладая рук трудился над повышением своего социального статуса, он был главой и абсолютным властителем в своей семье. Женившись, доктор Уотсон вынужден был купить практику в Паддингтоне и заняться делом - до этого он в течении семи лет вел жизнь истинного джентльмена, то есть форменного бездельника, удовлетворяясь своей пенсией 210 фунтов в год. Мужу принадлежали все материальные ценности вне зависимости от того, были ли они до брака его собственностью или их принесла в качестве приданного женщина, ставшая его женой. Они оставались в его владении даже в случае развода и не подлежали какому-либо разделению. Все возможные доходы жены также принадлежали мужу. Британское законодательство рассматривало семейную пару как одного человека, поэтому с юридической точки зрения жена даже не могла быть обвинена в укрывательстве мужа или в краже у него - человек не может укрывать сам себя или сам у себя красть. Жене следовало во всем повиноваться мужу, к чему она могла быть законно принуждена своим супругом в случае необходимости. Жена не имела никакого права определять, сколько детей ей рожать, по требованию мужа ей могло быть запрещено всякое общение с детьми, а после развода она лишалась права на опеку над ними и они целиком переходили на содержание мужа. Впрочем, утверждать, что жена была собственностью мужа, все-таки нельзя. Убийство жены каралось смертной казнью также как убийство любого другого человека, а не рассматривалось как порча своего собственного имущества, что было правом владельца. Убийство чужой жены также каралось смертью, хотя порча чужого имущества наказывалось значительно мягче. В случае бедствия или опасности женщин, в том числе и замужних, спасали в первую очередь, что тоже не соответствует их статусу «собственности».

В свою очередь муж должен был ограждать свою семью от любых неблагоприятных внешних воздействий и влияний. В 1840 году в определении лондонского суда по одному уголовному делу было сказано: «счастье и честь обеих сторон в том, чтобы поместить жену под охрану мужа и поручить ему... защищать ее от опасностей неограниченного общения с миром, обеспечив совместное проживание и местонахождение».

Викторианская «норма» предписывала мужу культивировать по отношению к жене некий суррогат средневековой куртуазности, преувеличенное внимание и учтивость. Замужняя женщина из среднего класса освобождалась от всякой грязной домашней работы, которая возлагалась на прислугу, причем количество этой прислуги являлось показателем положения в обществе и состоятельности семьи. В 1861 году Изабель Битон в своем руководстве «Обязанности хозяйки дома» назвала жену «домашним генералом». Она объясняла, что домохозяйка сопоставима с командующим армией или главой предприятия. Чтобы управлять респектабельным домашним хозяйством и обеспечивать счастье, удобства и благосостояние своему семейству, она должна выполнять свои обязанности разумно и в полном объеме. Так, она обязана организовывать прислугу, давать ей указания и поручения, что не столь уж легкая задача, поскольку многие из слуг не заслуживают доверия. Она должна организовывать приемы и обеды для поднятия престижа мужа, знакомства с новыми людьми и установления экономически важных отношений. В то же время она должна достаточно времени посвящать детям, умножению собственных умений и повышению своего культурного уровня. Предполагалось (и в этом старались убедить своих читательниц многочисленные книги по домохозяйству и этикету), что женщины должны были вести образ жизни благородной леди. В действительности, запертые в тесном домашнем мирке, женщины среднего класса и их дочери пребывали в праздном бездельи. Как писала в 1842 году Сара Эллис в книге «Женщины Англии», «множество томных, вялых и бездеятельных молодых леди, покоящихся сейчас на своих диванах, ворча и жалуясь в ответ на любой призыв приложить к чему-либо усилия, лично мне представляются весьма плачевным зрелищем».

Такова была норма, но существует многочисленные свидетельства отклонений от нее как со стороны мужчин, так и со стороны женщин. К тому же эта норма менялась со временем в сторону смягчения. «Закон об опеке над несовершеннолетними» дал в 1839 году матерям с незапятнанной репутацией доступ к своим детям в случае разъезда или развода, а «Закон о разводах» 1857 года предоставил женщинам возможности (довольно ограниченные) для разводам. Но в то время как

муж должен был доказать лишь прелюбодеяние своей жены, женщина была обязана доказать, что ее муж совершил не просто прелюбодеяние, но также кровосмешение, двубрачие, жестокость или дезертирство из семьи. В 1873 году «Закон об опеке над несовершеннолетними» расширил доступ к детям всем женщинам в случае раздела или развода. В 1878 году, после поправки к «Закону о разводах», женщины смогли добиваться развода по причине жестокого обращения и претендовать на опеку над своими детьми. В 1882 году «Закон о собственности замужних женщин» гарантировал женщине право распоряжаться имуществом, принесенным ею в брак, так что предлагая через четыре года мисс Мери Мостон руку и сердце, доктор Уотсон не мог рассчитывать на сокровища Агры, даже если бы Джонатан Смолл не выбросил их во время погони в Темзу. Через два года поправка к этому закону сделала жену не «движимым имуществом» супруга, а независимым и отдельным человеком. Через «Закон об опекунстве над несовершеннолетними» в 1886 году женщины могли быть сделаны единственным опекуном их детей, если их муж умер. В 1880-х в Лондоне были открыты несколько дамских институтов, художественные студии, женский фехтовальный клуб, а в год женитьбы доктора Уотсона даже особый женский ресторан, куда женщина могла спокойно прийти без сопровождения мужчины. Среди женщин среднего класса было довольно много учителей, появлялись женщины-врачи и женщины-путешественницы.

Секс и сексуальность

Тепидариум (предбанник в римских термах)
Сэр Лоуренс Альма-Тадема, 1881 г.

Самым болезненным вопросом в викторианской семье (опять же, имеется в виду средний класс, а не аристократия или рабочие) был вопрос интимных отношений, заключающий в себе конфликт между сексом как репродуктивным актом и актом эротическим. Сексуальная сфера также была поделена на норму и отклонения. В интимных отношениях норма лишала женщину права на чувственность. В идеале она была целомудренна и чиста (кроме времени менструации), даже косметика не должна была украшать ее, а половые отношения с мужем должны были ограничиваться исключительно потребностями деторождения. Секс в браке как взаимное удовольствие викторианской моралью даже не рассматривался. Известный врач викторианской эпохи Уильям Актон полагал, что респектабельные женщины были мало обеспокоены сексуальным желанием, счастливы сами по себе и в общественной жизни, подчиняясь своим мужьям из побуждений внутренней гармонии и желания материнства. Руководства по гигиене заявляли, что чем культурней женщина, тем больше ее характер очищен от чувственности, и предостерегали от «любых спазматических конвульсий» с женской стороны во время соития, чтобы те не послужили препятствием зачатию. Судя по всему, о существовании такого явления как женский оргазм не подозревали многие врачи, не говоря уже об обычных людях. Среди писем к Мери Стопс, английской активистке движения за контроль рождаемости, есть письмо, написанное в 1920 году пожилым мужчиной, который признавался, что, будучи молодым мужем около 1880 года, он «был напуган и думал, что это был какой-то вид припадка», когда у его жены произошел оргазм.

В изданном в 1889 году в Амстердаме английском порнографическом романе «Венера в Индии, или Любовные приключения в Индостане» имеется такой пассаж, характеризующий отношение типичной викторианской жены к сексу:

«Ибо дражайшая моя жена, благородный читатель, была воплощением страсти; она не была одной из тех, кто холодно подчиняется нежности своего мужа, потому что это их обязанность делать так, обязанность, однако, выполняемая не с удовольствием или радостно, но больше как разновидность епитимии! Нет! С нею не было такого: «Ах! нет! позволь мне поспать сегодня вечером, дорогой. Я дважды делала это вчера вечером, и я в самом деле не думаю, что ты можешь хотеть этого опять. Ты должен быть целомудреннее и не мучить меня, как если бы я была твоей забавой и игрушкой. Нет! Убери свою руку! Оставь мою ночную рубашку в покое! Я заявляю, что ты ведешь себя самым неподобающим образом!» и т.д, пока, изнуренная упорством своего мужа, она не решает, что самый короткий путь, в конце концов, будет состоять в том, чтобы позволить ему добиться своего, и поэтому нехотя позволяет раскрыть свою холодную щелку, неохотно раздвигает свои некрасивые ляжки и лежит бесстрастным бревном, нечувствительная к усилиям мужа высечь искру удовольствия из ее ледяных прелестей:»

Медицинская литература и всевозможная, как сейчас сказали бы, «научно-популярная» литература для новобрачных, касаясь очень многих щекотливых по тогдашним понятиям тем, активно пропагандировала мужчинам умеренность в сексе - считалось, что женщины не должны и не могут получать какого-либо удовлетворения от него и вступают в половые сношения исключительно ради воспроизводства и повиновения мужу.

«Между центральной нервной системой и половым аппаратом существует связь, в чем обыкновенно каждый муж, злоупотребляющий наслаждением любви, скоро и горько убеждается, - писал доктор Карл фон Гельзен в книге «Гигиена новобрачных» (1889 г.), рисуя далее совершенно апокалиптическую картину. - Сперва у него ослабевают духовные способности, как-то: память, внимательность, размышления и способность заниматься продолжительной умственной работой, между тем как способности воображения, красноречия и музыкальности даже подчас значительно повышаются. Силы пропадают, чувства возбуждаются, и перед нами типичная картина нервного ипохондрика, жалующегося на всевозможные страдания, в особенности на головные боли в затылке или на боль половины лба. Далее, он жалуется на затруднение пищеварения, запоры и пр., откуда вытекают и другие последовательные большие или меньшие затруднения в отправлениях различных органов. Ослабленный таким образом организм теряет свою способность сопротивляться болезнетворным причинам, откуда являются катары слизистых оболочек носа, горла, глаз, кишечника и пр., влияющих теперь на него сильнее, чем в прежнее время неослабленного здоровья. Наконец, расслабленный организм легко может сделаться добычей чахотки, рака или какой-нибудь повальной болезни.»

«Мы совершенно на стороне мнения Сканцони касательно опасности свадебных путешествий, сопряженных с длинными железнодорожными переездами, с недостатком удобств, досуга и отдыха - продолжает тот же автор. - Следовало бы предупредить мужа, желающего предпринять такое путешествие, о том, что он должен, в интересах здоровья жены, соблюдать умеренность в половых сношениях, а также заботиться о своевременных остановках в дороге для доставления жене необходимого покоя и пр. Если же оба супруга горячего (эротического) темперамента и не могут рассчитывать на свое благоразумное воздержание, то советуем им спать в отдельных комнатах. Для блага супругов и их потомства, умеренность в половых сношениях должна идти рука об руку с умеренностью в еде и питье, так как чрезмерно наполненный желудок вызывает приливы крови к голове, а в ночное время причиняет возбужденные сны, требующие полового удовлетворения.»

К отклонениям в сексуальной сфере относили различного рода извращения, мужскую и женскую мастурбацию (это был навязчивый кошмар медицинско-просветительской литературы викторианской эпохи), гомосексуализм и проституцию. Причем само слово «извращение», как и ряд терминов, детализировавших это явление, был взят из церковной лексики, в Средние века и во времена Реформации обозначавшие различные проявления ереси. Публикация австрийским психиатром Рихардом фон Краффт-Эбингом своей книги «Psychopathia sexualis» в 1892 году ввело в оборот такие слова, как «садизм» и «мазохизм», произведенные от имен двух писателей - маркиза

де Сада и Мазох-Захера. Ни одно общество прежде не подвергало вопросы, связанные с сексуальностью, столь широкому общественному обсуждению, как это сделало викторианское общество. Но, как полагают исследователи этого вопроса, такое широкое обсуждение позволяло выхолостить сексуальность в реальной жизни, изгнать ее в речь. Однако гигантский рост спроса на услуги проституток - а в год женитьбы Уотсона, по оценкам полиции и медицинского журнала «Ланцет», их насчитывалось в Лондоне около 80 тысяч, - распространение публичных домов, в которых клиенты могли удовлетворить свои самые безумные желания, от мазохистского бичевания состоявшими в борделе барышнями до истязаний и изнасилований малолетних девственниц, свидетельствовало о том, что до конца этого сделать не удалось, что свою сексуальность, которая не могла быть реализована в рамках брака, мужчины пытаются реализовать иным образом. Те, кто не считал возможным из этических или экономических соображений либо из опасений заразиться какой-нибудь венерической болезнью обращаться к проституткам, могли погрузиться в мир запретных эротических фантазий, предлагавшихся порнографической литературой, которую всегда можно было купить в одной из книжных лавок на улице Хоуливел-стрит близ Стрэнда между соборами Святого Климента и Святой Марии.

Большинство этих изданий печаталось в Париже и Брюсселе, хотя в выходных данных указывалась Англия. С середины 1890-х главными зарубежными поставщиками порнографии были проживавшие в Париже Чарльз Каррингтон и Гарри Николз, который до этого был партнером Леонарда Смитерза, одного из самых видных британских издателей эротики. Небольшой перечень наиболее популярных книг позволяет представить себе это чтение: «Праздник любви, или Пир у источника Венеры» (1860 г.), «Интрижки и исповедь балерины» (1868-1870 гг.), «Частный отдых, или Взлет и падения в жизни» (1870 г.), «Песнь похоти, или Ранние опыты» (1873-76 г.), «Письма от парижского друга» (1874 г.), «Сила месмеризма: эротическое изложение развратных событий и фантазий» (1880-1891 гг.), «История члена» (1880 г.), «Дела Венеры, или Исповедь молодой супруги» (1881 г.), «Любовные впечатления хирурга» (1881 г.) Джеймса Редди, «Кейт Хендкок, или Вхождение девушки в бурную жизнь» (1882 г.), «Воспоминания хлыща» Джона Клеланда (1885 г.), «Автобиография блохи» (1887 г.), «Венера в Индии, или Любовные приключения в Индостане» (1889, Амстердам), «Лаура Мидлтон, ее брат и любовник» (1890 г.), «Любовные связи развратного кардинала» (ок. 1890 г.), «Признания мадам Вестрис» (1891 г.), «Гинекократия. Повесть о похождениях Джулиана Робинсона» в 3 томах (1893 г.), «Изнасилование на железной дороге: правдивая история дамы, которая была сначала изнасилована, а потом выпорота в шотландском экспрессе» (1894 г.), «Флосси, пятнадцатилетняя Венера, прислужница в храме восхитительной богини» (1897 г.).

В «Признаниях мадам Вестрис», к примеру описывалась жизнь некой Люси Вестрис, родившейся в Сохо от родителей-итальянцев, которая была в раннем возрасте совращена наследником престола. В серии писем «любезному Джеку» она описывала свое совращение, интрижки с капитаном Анстрадером, свое любопытное приключение в брачную ночь и ее парижские шалости. «Любовные связи развратного кардинала», опубликованные Огастом Бранкартом, рассказывали о совращении священником молодых девушек. «Венера в Индии» повествовала о неутомимом офицере и джентльмене капитане Чарльзе Деверуксе, расквартированном в Индии во время войны с

афганцами - то есть практически о собрате по оружию нашего доктора Уотсона. В первой истории капитан Деверукс увлечен замужней женщиной, муж которой отсутствует на фронте; во второй - предается любовным утехам с дочерьми-подростками своего командира. Большой популярностью пользовалась книга «Ночи в мавританском гареме», написанная под псевдонимом «лорд Джордж Херберт». Повествование велось от имени некоего морского офицера, проведшего ночь в гареме в Марокко в отсутствие хозяина-паши. Гарем состоял из девяти женщин разных средиземноморских национальностей. Все они были удовлетворены бравым моряком и в благодарность поведали ему о своей интимной жизни, в том числе о том, как одной из женщин удалось соблазнить жеребца.

Гинекологический осмотр.
Рисунок из книги Жака Пьера Мейгрие
"Иллюстрированное акушерство", Нью-Йорк,
1834 г.

Конечно, доктор Уотсон в том виде, в каком его создал Конан Дойл, был подчеркнуто платонически-асексуален. Мы не найдем в нем никаких признаков характерного для профессии хирурга цинизма (а Уотсон был ассистентом армейского хирурга, он хоть и не долго, но участвовал в войне и должен был хорошо знать нравы британского колониального офицерства и полковые бордели, будучи прикомандирован к Пятому Нортумберлендскому фузилерскому полку). Однако, следуя внутренней логике дойловского персонажа, мы можем со значительной долей уверенности утверждать, что доктор Уотсон, каким его создал Конан Дойл, не посещал бордели и проституток - разве что вместе со своим другом Шерлоком Холмсом ему приходилось заглядывать в эти заведения в процессе расследования какого-нибудь не вошедшего в Канон дела. Вероятно, он не был также читателем порнографической литературы. Тем не менее, в течении пяти лет своей брачной жизни он был практикующим врачом в Паддингтоне, и, как врач, казалось бы, должен был бы знать о мужской и женской сексуальности больше среднего викторианского мужчины. Однако в викторианском обществе в мир, от которого следовало защищать женщину, включался и мир медицины. Если осмотр врачом мужчины был процедурой обыденной, то в случае, если заболела женщина, в семьях среднего класса медицинское обследование превращалось в большую проблему. Женщина могла позволить себе проконсультироваться с врачом в присутствии мужа или компаньонки, и даже показать на манекене, где она чувствует боль. Однако гинекологическое обследование производилось только в самом крайнем случае. Сам осмотр производился под простыней в затемненной комнате либо врач и пациентка должны были быть разделены ширмой. Да и медицина тех дней сама мало что знала об этих предметах. Доктора не желали иметь дело с сексуальными проблемами своих пациентов и пациенток, а женская сексуальность вызывала в викторианском обществе отношение, близкое к страху. В предисловии к книге «Женщины в здоровье и болезни», изданной в 1889 году, врач Роберт Белл утверждал: «Мы не собираемся создавать в этой книге систему психологии сексуальной жизни: Цель этого трактата состоит в том, чтобы просто записать различные психопатологические проявления половой жизни в человеке и уменьшить их до их естественных состояний: Важность этого предмета, однако, требует научного

исследования из-за его судебного значения и его глубокого влияния на общее благо. Только тогда врач-адвокат узнает, сколь ужасен недостаток наших знаний в области сексуальности :»

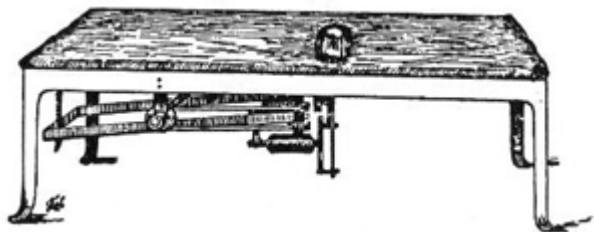
Истерия и неврастения

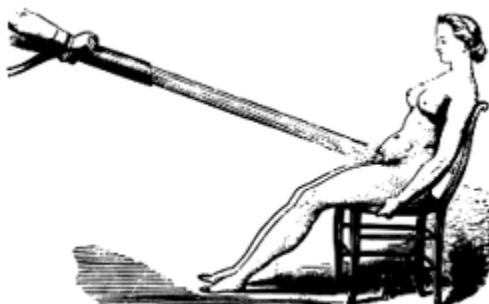
Жан Мартин Шарко демонстрирует случай истерии в Сальпетриере
фотогравюра с картины Пьера-Андре Брюллье, 1887 г.

В 1860-х доктор Айзек Рей и его современники объявили, что женщины восприимчивы к истерии, безумию и преступным импульсам из-за своих внутренних половых органов. «Можно подумать, что Всемогущий, создавая женский пол, взял матку и создал вокруг нее женщину», - сказал в 1870 году профессор М.Л. Холбрук. В 1859 году один врач утверждал, что четверть всех женщин страдает от истерии, а к концу XIX века уже три четверти женщин рассматривались медиками как нездоровые и представляли для них самое обширное поле для терапевтических услуг. Термин «истерия» происходил от греческого слова «hysteria», означавшего «матку», и отражал древнее представление о том, что раз в месяц матка перемещается в теле женщины, вызывая у них различные нарушения. Известные записи об истерии и ее лечении можно датировать по крайней мере 2000 г. до н.э. в Египте. В течение веков лекари и знахари предписывали одиноким женщинам брак, а замужним женщинам «хорошую взбучку от мужа». Все это время странным образом сохранялось представление о блуждающей или удушающей матке, хотя симптомы истерии менялись очень сильно. Например, в 16 веке истерия описывалась как «неистовое и необузданное желание плотских объятий, каковое желание низвергает рациональную способность настолько, что пациент произносит развратные и похотливые речи». Взгляд на женское тело как на поле битвы матки и мозга привел к постулату о необходимости вмешательства в репродуктивную область путем удаления «больных» органов или усиления матки укрепляющими дозами ляписа, инъекций, прижиганий, кровопусканий и т.д. Честь изобретения «женской кастрации», то есть удаления яичников для излечения «безумия», принадлежала доктору Роберту Батти. Началось повальное увлечение овариотомией: утверждалось, что эта операция поднимает моральное чувство пациенток, делая их послушными, организованными, трудолюбивыми и чистыми. Коллега доктора Батти каталогизировал на 75 страницах все возможные симптомы истерии и назвал этот список неполным; практически любая болезнь могла соответствовать этому диагнозу. «Беспокойные» женщины передавались мужьями и отцами гинекологам для кастрации и других форм радикального лечения. В 1858 году англичанин Айзек Бейкер Браун, полагавший, что многие женские болезни вызывались самоудовлетворением, изобрел клитеродектомию для «искоренения» этого зла, которую пытался применять на практике в своем Лондонском хирургическом доме, пока не был с позором изгнан Лондонским акушерским обществом. «Уроки по гинекологии» Уилльяма Гуделла, изданные за год до свадьбы Уотсона, включали главу «Ошибочное принятие нервных болезней за болезни матки», в которой автор заявлял, что «вопиющей медицинской ошибкой в настоящий момент является : ошибочное принятие нервной болезни за болезнь матки: Матка : будучи

достижима, видима и непосредственно поддающаяся лечению, обвиняется почти во всех бедах, наследницей которых является женская плоть: и слишком часто она делается козлом отпущения за головные боли : за боли в позвоночнике, которые могут быть обязаны исключительно нервному истощению : а не рефлекторному воздействию какого-то действительного или воображаемого расстройства матки:»

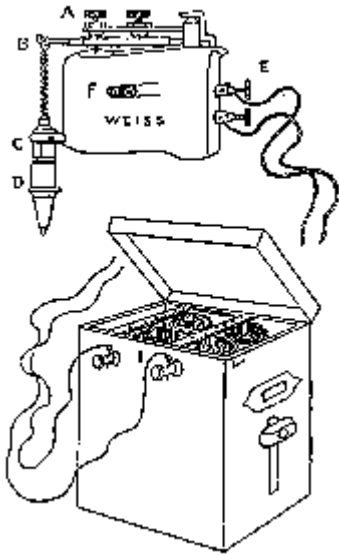
Рабочая поверхность парового вибратора Джорджа Тейлора. Паровая машина на рисунке не видна; она была соединена с вибрирующим аппаратом через трансмиссию под столом. Пациентка лежала на столе тазом на вибрирующем шаре, видимом в отверстие в столе.

Тазовый душ на европейском курорте, ок. 1860 г. Такое лечение было очень популярным и широко прописывалось для больных истерией, но даже те, кто не был болен, могли принять эту процедуру.

Кроме хирургических методов, для лечения женской «истерии» применялся также массаж тазовых и брюшных областей, в том числе гениталий. Его широко применяли на различных курортах в Европе и Америке, входил он и в практику некоторых докторов-гинекологов и акушеров. Эта «мануальная терапия» викторианской эпохи была очень трудоемка и требовала определенного искусства, потому что задачей массажиста было механическим образом довести женщину до оргазма или, как его тогда называли в научной литературе, «истерического пароксизма». Считалось, что этим давался выход сдерживаемым энергиям, вызывавшим «тазовую гиперемия» или прилив и застой крови в брюшной области и половых органах. Никаких сексуальных ассоциаций эта процедура не вызывала ни у врачей, ни у пациенток, поскольку сексом считалось соитие с обязательным введением мужского полового члена во влагалище и достижением мужчиной оргазма. Введение при гинекологическом обследовании расширителя, выглядевшего достаточно фаллическим, рассматривалось как значительно более сомнительный акт, чем массаж гениталий с последующей сексуальной разрядкой. Большинство докторов с большой неохотой бралось за выполнение этих процедур, поскольку они назначались иногда до одного раза в неделю для исключения рецидивов «истерии» и требовали очень продолжительных (до нескольких часов) и тяжелых мышечных усилий. Один гинеколог уподоблял такой массаж попытке одновременно одной рукой растереть голову, а другой живот. В 1869 году американский врач Джордж Тейлор запатентовал первый вибромассажный аппарат, призванный облегчить нелегкий труд эскулапов. Устройство получило имя «Манипулятор» и работало от паровой машины, которая размещалась в соседней с кабинетом врача комнате и обслуживалась ассистентом, подбрасывавшим уголь в топку.

Массажер Гранвилля, 1883 г.

«Манипулятор» Тейлора был дорог в производстве и неудобен в перевозке, поэтому нашел применение главным образом на курортах. В 1882 году английский врач Джозеф Мортимер Гранвилль разработал первый массажер на электрических батареях, который был изготовлен фирмой «Вейсс Компани». Его устройство было менее дорого и легче в использовании, чем предшественник. Оно позволяло использовать разнообразные насадки, чтобы варьировать вибрирующие ощущения, производимые устройством. Сам Гранвилль был решительно против использования своего устройства как лечебного средства от женской истерии, считая это «морально неоправданным», и рассматривал его как полезное при массаже скелетных мышц мужчин для лечения последствий перенапряжения. Тем не менее брошюра под названием «Здоровье женщинам», выпущенная в 1883 году, рекомендовала новые массажеры как раз для лечения «тазовой гиперемии». За время, прошедшее с изобретения Гранвилля до конца XIX века, было выпущено по крайней мере две дюжины моделей вибромассажеров, питавшиеся от батарей или сети, которые приобретались курортами и индивидуальными докторами для лечения женских болезней. Существовали вибромассажеры музыкальные и с противовесами, вибрирующие вилки, извивающиеся проволочные спирали, называвшиеся вибратами, массажеры, подвешивавшиеся под потолком, прикрепляемые к столам, напольные модели на колесиках, и портативные устройства, помещавшиеся в ладони. С начала двадцатого столетия вибромассажеры стали предназначаться для домашнего использования и рекламироваться в изданиях по домохозяйству. «Облегчает Все Страдания, Лечит Болезни» или «Изобретен женщиной, которая знает потребности женщины» - под такими слоганами появлялись рекламы вибромассажеров в женских журналах. Примерно с этого времени вибромассажеры стали превращаться в сексуальные игрушки, какими являются современные электромеханические вибраторы из секс-шопов.

К XIX веку была описана родственная истерии болезнь, неврастения, похожая на истерию своими неопределенными симптомами. Как писал психиатр Шарль Лазег, она даже превзошла истерию в роли «мусорной корзины медицины, куда бросают иначе не объяснимые симптомы». Среди симптомов неврастения были плач, раздражительность, депрессия, бессонница, потеря аппетита, умственная и физическая усталость, болезненные опасения, забывчивость, сильное сердцебиение, головные боли, спутанность сознания, опасение надвигающегося безумия и постоянное беспокойство. Как правило, послеродовая депрессия и различные психозы все попадали под определение неврастения. Медики считали, что причиной новой болезни является связанное с индустриализацией и урбанизацией умственное напряжение в новой профессиональной городской рабочей среде. Для мужчин неврастения была показателем превосходства, признаком возвышения над задачами ручного труда. Для женщин, главная роль которых состояла в деторождении, неврастения рассматривалась как потенциально опасная. Часто женщин, которым ставили диагноз «неврастения», лечили вызывающими привычку наркотиками. Врачи предписывали им опиум, кокаин, хлороформ и гашиш при различных симптомах, от депрессии до головных болей. Считалось, что женщины, как слабый пол, не способны справиться с умственными и физическими мучениями неврастения, поэтому такие средства были для них особенно эффективны. Впрочем, уже к концу века медики обнаружили разрушающее действие этих наркотиков на организм, что особенно сказывалось у беременных и кормящих грудью женщин, когда наркотики препятствовали полноценному вынашиванию плода или передавались младенцам с молоком. Многие известные врачи, например, американский доктор С. Уир Митчелл, осуждали использование наркотиков в лечении неврастения. Сам доктор Митчелл изобрел метод успокоительного лечения, когда женщина-неврастеник подвергалась постельному режиму сроком до 6 недель при полной изоляции от внешнего мира в слабо освещенной комнате. Ей не разрешали читать, а в особо серьезных случаях запрещалось даже вставать по малой нужде. У нее не должно было быть никаких посетителей, и в течении полутора месяцев она не видела никого, кроме доктора и сиделки.

Впрочем, симуляция болезни часто была единственным выходом для тех женщин, кому секс действительно был хотя и противной, но все же «обязанностью», или для тех, кто хотел избежать беременности. Здесь самое время вернуться из мрачных далей викторианской медицины под кров доктора Уотсона и его супруги. Действительно ли интимные отношения в рамках викторианского брака были столь безрадостны?

Правильнее всего, видимо, было бы ответить на этот вопрос и «да», и «нет». Понятно, что столь жесткое подавление проявлений женской сексуальности на протяжении нескольких поколений не могло не отразиться на отношении женщин среднего класса к сексу. Уже упоминавшаяся коллекция писем к Мери Стопс, среди корреспондентов которой были как мужчины, так и женщины, чей брак приходился на викторианскую эпоху или испытал ее сильное влияние, свидетельствует, насколько глубок бы идеализм в представлениях о духовных и физических отношениях в рамках брака, и как часто он приводил к разочарованию на практике. С другой стороны, те же письма свидетельствуют о сильном сопротивлении и со стороны мужчин, и со стороны женщин, которое встречала теория о том, что секс должен был иметь место только при желании иметь ребенка, соответственно с промежутками в несколько лет (что предполагало, что эта теория была широко распространена как идеал).

Как раз незадолго до свадьбы Уотсона стали появляться признаки того, что начинает меняться и восприятие сексуальности вообще, и женской сексуальности в частности. В 1872-85 годах итальянский врач и антрополог Паоло Мантегацца издал первую по настоящему научную трехтомную работу по сексологии «Trilogia dell' amore» («Гигиена любви», «Физиология любви», «Антропология любви»). В 1875 году сэр Ричард Бертон и Ф.Ф. Арбутнот сделали первый английский перевод трактата «Кама-Сутра», получившего в их рукописи название названием «Кама-Шастра, или Индийское искусство любви». В тот раз издатели отказались от проекта, и она с добавлениями была издана десять лет спустя, причем весь тираж был отпечатан в Англии, но из осторожности в выходных данных указали Индию. В 1889 году вышла книга Патрика Геддеса и Дж. Артура Томсона «Эволюция пола», в которой излагалась практическая информация по таким вопросам, как строение мужских и женских органов, о яйцеклетках и сперме, воспроизводстве, определении пола и физиологии секса. Наконец, Рихард фон Краффт-Эбинг в своей ставшей всемирно известной «Psychopathia Sexualis» написал: «Сексуальность является самым мощным фактором в индивидуальном и общественном существовании; самым сильным стимулом для напряжения сил и приобретения собственности, основанию дома и пробуждению альтруистических

чувств, сперва к человеку противоположного пола, затем к потомству и, в более широком смысле, ко всему человечеству».

Контрацепция

Материнство было составной частью образа «идеальной женщины» в викторианскую эпоху. Материнская любовь расценивалась как, быть может, единственное действительно бескорыстное чувство на земле. Счастливая многодетная мать была общественным идеалом для среднего класса. Сама королева Виктория, воплощение названной в честь ее эпохи, имела девять детей. Однако в сохранившихся письмах королевы она предстает совсем невикторианской в своем отношении к материнству. В неожиданно откровенном письме своей дочери о беременности она говорит: «Все, кто тебя любит, надеются, что ты обойдешься без этого испытания хотя бы год... Если бы у меня был год счастливого удовольствия с дорогим Папа для себя, как бы я была счастлива! Но я была на три с половиной года старше; и поэтому я тотчас была наказана - и как же я была взбешена.»

Могли ли викторианские женщины как-то предохраниться от беременности?

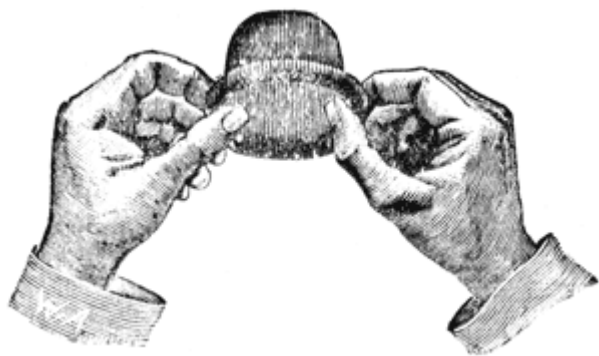
Технически многие предтечи современных противозачаточных средств ко времени женитьбы доктора Уотсона на Мери Морстон уже существовали. Мы не будем углубляться тут в древнюю историю, посмотрим лишь, чем же к тому времени могла располагать викторианская семья (многолетнее воздержание как способ контрацепции уже упоминался).

Во-первых, конечно, существовал один из самых древних, примитивных и дешевых способов контрацепции - прерывание полового акта до начала семяизвержения. Его эффективность была невелика.

Другом способом, столь же бесполезным и неэффективным, было введение во влагалище маленьких губок, которые просовывались как можно дальше к самому устью шейки матки. Но губка легко сдвигалась и могла, к тому же, причинить повреждения.

Следующее средство было основано на воздержании на определенных стадиях менструального цикла, который стал популярен в 1840-х годах после открытия французами связи между овуляцией и менструацией. Однако с 1850 по 1870-е года в Европе повсеместно была распространена вера в то, что наиболее благоприятным для зачатия была стадия собственно кровотечения, а середина цикла была самым безопасным временем для секса. Можно представить себе, как дорого стоило это заблуждение пытавшимся предохраниться парам. Только в 1929 году Кнаус в Австрии и Огино в Японии независимо друг от друга объявили о том, что овуляция происходит за 14 дней до начала следующей менструации, и, следовательно, рекомендовали избегание близости как раз в средней стадии цикла.

Новый комбинированный пессарий и чехол Ламберта (Дж. Гривз Фисшер, г. Лидс, Британия, ок. 1891 г.)

«Это Комбинированное Приспособление изготовлено из чистого Вулканизированного и Содержащего Лекарственные Вещества Каучука, и представляет собой последнее усовершенствование в области Пессариев для предохранения. Оно оснащено гибким ободком из стальной проволоки, покрытым каучуком, посредством которого оно может быть скатано в форме Пружинного Пессария и использоваться также женой. Оно может также быть развернуто и, в своей нормальной форме, может использоваться мужем как самый надежный чехол, когда-либо изобретенный, поскольку совершенно невозможно чему-нибудь вытечь в проход при использовании в таком виде. Очищаемое и используемое согласно данным инструкциям, это приспособление может применяться с полным доверием в течение

значительного периода. Это приспособление изготавливается трех размеров, средний наиболее употребим. Полный, с указаниями по использованию, 4 шиллинга каждый. Специальные размеры, сделанные по заказу, 5 шилл. каждый.»

Далее шел презерватив (кондом). Его название в английском языке выводится от имени апокрифического доктора Кондома, придворного лекаря при дворе Карла II (1660-1685). Король якобы озаботился количеством своих внебрачных детей и объявил о потребности в средствах для предотвращения беременности своих любовниц, в ответ на что и получил от доктора презерватив. Однако кондомы в Англии не были изобретением эпохи Реставрации, археологические свидетельства показывают их существование по крайней мере лет на двадцать раньше, в разгар гражданской войны в Англии. Пять фрагментов кондомов из внутренностей рыб и животных были обнаружены во время раскопок кладовой (уборной) донжона в замке Дадли близ Бирмингема, которая была заполнена в 1647 году. Интересно, что во Франции презервативы назывались «La capote anglaise» или «les redingotes anglaise» (редингот - букв. «пальто для езды верхом»), а в Англии «французскими конвертами». В те дни кондомы использовались более для предотвращения половых болезней, нежели для контрацепции, продавались в борделях. Известный французский сифилидолог Филлип Рикорда сказал по их поводу: «Панцирь против удовольствия и паутина против инфекции». Впрочем, другие источники приписывают эти слова знаменитой маркизе де Севинье. Однако в мемуарах Джакомо Казановы содержатся намеки на то, что он использовал презервативы из кишки ягненка и полотняные, перевязанные ленточкой, кондомы именно для предотвращения беременности. В XVIII веке использование кондомов стало достаточно популярным и упоминается в эротической поэзии того времени под названиями «Preservative», «Machine» или «Armour». Известный английский писатель Босуэлл записал в своем «Лондонском дневнике» 10 мая 1763 года, что он «подцепил крепкую молодую веселую девицу, отвел ее к Вестминстерскому мосту и там, облачившись в «доспех», я наслаждался ею на этом благородном сооружении». В 1749 году секретарь британского посольства в Париже полковник Джозеф Йорк написал герцогу Камберленду о регулировании рождаемости и французском короле Людовике XV. «Его Величество», кажется, имел «чрезвычайное отвращение к своим любовницам, приносящим детей.» Одна любовница запаниковала из-за возможной беременности, и Йорк был уполномочен «доставить из Англии, так как они не производятся в этой стране [Франции], 330 или более тех профилактических механизмов, которые используются галантными, однако благоразумными молодыми джентльменами этого возраста».

Чехол Ламберта «Парагон 1891» (Дж. Гривз Фисшер, г. Лидс, Британия, ок. 1891 г.)

«Согласно пожеланиям наших постоянных покупателей изготовить Чехол, средний по устройству между Комбинированным Пессарием и обычным Чехлом «Мальтус», с удовольствием представляем наш Чехол "Парагон 1891".»

Согласно «Словарю Данглинсона» 1839 года, кондомы в то время были «овечьей слепой кишкой, вымоченной в течении нескольких часов в воде, вывернутой наизнанку, размоченной снова в слабом щелочном щелоке, меняемом каждые двенадцать часов, тщательно выскобленной, чтобы удалить слизистую оболочку, оставив брюшинные и мускульные оболочки, подвергнутой обработке парами горячей серы и затем вымытой с мылом и водой. Затем она была надута, высушена, обрезана до длины в семь или восемь дюймов и обшита по открытому концу лентой для подвязывания.» По каким-то причинам они были традиционно красными или зелеными. Лучшие презервативы изготавливались в Лондоне, и люди со всей Европы приезжали покупать их

Серебряная "кондомница" викторианской эпохи, 2,5 x 4,5 см

Столь трудоемкий процесс подозревал их высокую стоимость и очень сильно ограничивал круг лиц, которые могли позволить себе их использование. В 1844 году американцы Чарльз Гудьер и Ханкок получили в США патент на вулканизацию каучука, которая состояла в обработке резины серой при высоких температурах. При этом резина становилась прочным и эластичным материалом. Вскоре первые резиновые кондомы под завлекательными названиями вроде «Дредноута» стали массово производиться в Америке. К началу 1870-х они стали весьма популярны. Презервативы имели шов и подвязочки для крепления, но в самом начале двадцатого века был изобретен новый метод их изготовления, когда в жидкую резину опускались стеклянные формы. Были разработаны различные формы кондомов, вроде заканчивающегося соском презерватива или «американского», который закрывал только головку. В отличие от современных одноразовых презервативов, ранние резиновые кондомы после использования мыли, смазывали вазелином и убирали в специальные деревянные коробочки для дальнейшего употребления. Британский драматург и эссеист Джордж Бернард Шоу назвал резиновый презерватив «величайшим изобретением девятнадцатого века». В конце 1880-х бедный нью-йоркский иммигрант Юлиус Шмид наладил производство презервативов, используя для их изготовления колбасный обочку из мясных лавок и к 1890 году его предприятие превратилось в крупный бизнес. Примерно тогда же были сделаны первые образцы из латекса. Но даже резиновые кондомы были все еще недоступны беднейшим слоям общества - их стоимость составляла в среднем 4 шиллинга в годы семейной жизни доктора Уотсона; кроме того, они были все еще грубы и неуклюжи, и воспринимались как неэстетические, не говоря уже об очень распространенном мнении, что презерватив представлял собой безнравственную попытку выступить против законов Бога и Природы.

Следующим средством были разнообразные устройства-пессарии, в основе которых лежал принцип закупорки устья шейки матки. Предшественниками маточных колпачков восемнадцатого века были половинки лимона, из которого выжимали сок и помещали поверх шейки; остаточная лимонная кислота обеспечивала дополнительную гарантию из-за ее спермицидного действия. В 1838 году немецкий профессор, доктор Фредерик Адольф Вильде, начал изготавливать маточные колпачки из каучука, рекламируя их как «удобный и эффективный» метод ограничения рождаемости. Вильде подгонял их при помощи вагинального расширителя, описывая свои колпачки как средство, которое «позволит лицам, для которых рождение ребенка невозможно, носить каучуковый pessarium постоянно; pessarium этот, не имея никаких отверстий, полностью закрывая рыльце матки и плотно облекая его, должен сниматься только во время менструального периода». В 1882 году голландский гинеколог Вильгельм Менсинга из Фреденбурга изобрел свой «*pessarium occlusivum*» - «задерживающий pessarium» - эластичное кольцо, на которое натягивалась тонкая непроницаемая каучуковая перепонка. Этот pessarium вводился во влагалище с тем, чтобы его оболочка закрывала отверстие рыльца матки во время совокупления, и известен теперь как «диафрагма». Менсинга описал его в книге «Необязательная стерильность», после чего подвергся жесточайшим нападкам коллег, обвинивших его в моральной нечистоплотности. Однако вскоре его изобретение распространилось по Голландии, и оттуда по остальной Европе. В тогдашней медицине pessarium Менсинги расценивался как достаточно ненадежный, так как не было «гарантии, что он не сдвинется». Пессарии рекламировались под различными названиями,

например как «французские щиты» или «маточные вуали», гарантируя возможность тайно от мужчин пользоваться противозачаточным средством и не мешать сексуальному удовольствию.

Существовали к интересующему нас времени и образцы внутриматочных противозачаточных средств. Хорошо известно использование Казановой в качестве внутриматочного пессария золотого шарика. Золотые или позолоченные пессарии «вилочка» или «запонка» были в ходу в Англии и Германии. В 1868 году в британском медицинском журнале «Ланцет» впервые был описан и проиллюстрирован стержневой пессарий. Но этот вид противозачаточных средств еще не получил широкого распространения.

Суппозитории Ренделла

Зато химические контрацептивы были популярны в Англии не менее, чем кондомы. В надежном влагалищном противозачаточном средстве химические и физические свойства в равной степени были важны для достижения результата, первые как спермицид и последние как барьер для проникновения спермы. Британский химик У.Дж. Ренделл из Лондона в 1885 году обнаружил, что хинин был превосходным спермицидом. Вскоре он представил влагалищный суппозиторий (свечу в виде шарика), содержащую масло какао и сернокислый хинин. Как объясняло руководство, «вследствие теплоты тела они должны растворяться, а хинин должен убивать семенные тельца.» Суппозитории «Ренделл» стали, возможно, одной из самых известных марок в Англии. Большинство изготавливавшихся тогда свечек, желе, кремов и пенек содержало хинин, борную кислоту, молочную кислоту, гексил-резорцин, рицинолеиновую кислоту, формальдегид и т.д.

Само собой разумеется, что после использования таких пессариев надо было еще промыть влагалище теплой водой для удаления жира. Для этой цели употреблялся т.н. ирригатор, т.е. кружка емкостью в одну бутылку воды, снабженная у самого дна гуттаперчевой трубкой с краном и маточным наконечником. В этот ирригатор наливали слегка теплой воды с прибавлением карболовой, хлористоводородной, уксусной или другой кислоты от 1% до 3%. Кружка подвешивалась на стене и после полового акта наконечник вводился во влагалище глубоко до прикосновения к рыльцу матки, после чего открывали кран и осторожным движением наконечника взад и вперед ополаскивали влагалище.

Таким образом для предохранения от беременности викторианские пары имели широкий выбор средств противозачаточных средств. Возможно, именно они были причиной бездетности доктора Уостона и миссис Уотсон. Другое дело, что развитие и применение средств контроля рождаемости тормозилось более социальными и религиозными препонами, чем медленностью технического прогресса.

Ни Новый, ни Ветхий Завет нигде явно не говорили, что контрацепция безнравственна. Только в пятом веке Святой Августин, в борьбе с собственной похотью, объявил любые меры предохранения безнравственными и незаконными, призвав ограничить половые отношения между мужчиной и женщиной только детородством. Просвещение породило первые трактаты, фактически защищавшие ограничение размеров семьи и рождаемости. Джереми Бентам, Джеймс Милл и Фрэнсис Плейс поощряли пары ограничивать размеры своего потомства, чтобы обеспечивать максимальное количество ресурсов для каждого ребенка. Позже, уже в девятнадцатом столетии, англичанин Роберт Дэйл Оуэн и американский врач и писатель Чарльз Ноултон написали

детальные руководства для новобрачных с целью пропаганды прерывания половых актов и спринцевания. В 1854 году доктор Джордж Дрисдейл опубликовал «Элементы общественной науки», ставшие отправной точкой движения за контроль рождаемости.

Одновременно возрастало сопротивление попыткам ограничивать рождаемость. За год до публикации доктора Дрисдейла Святая палата инквизиции постановила, что кондомы неприемлемы для католиков. В 1873 году в Америке, где бизнес по производству противозачаточных средств принял широкий размах, ветеран Гражданской войны, торговец галантереей и участник общественной кампании против непристойности Энтони Комсток добился проведения через Конгресс «Закона о воспрещении торговли и обращения непристойной литературы и изделий для безнравственного использования», который налагал запрет на рекламу и пересылку по почте любых «непристойные, непотребных или похотливых» книг, «непристойных резиновых товаров» и описаний контрацептивов. Закон также запретил импорт любых средств ограничения рождаемости. Противозачаточная промышленность продолжала процветать, но теперь противозачаточные средства продавались под видом средств для «женской гигиены». В ответ Конгресс уполномочил Комстока охранять американскую мораль, и он рьяно принялся за дело. Он преследовал всех изготовителей и продавцов противозачаточных средств, которых только мог найти. Позднее он утверждал, что обвинил столько людей, что их было бы «достаточно, чтобы заполнить ими пассажирский состав из шестидесяти одного вагона, шестидесять содержали бы по 60 пассажиров, а шестидесять первый был бы почти полон». «Я уничтожил 160 тонн непристойной литературы», - заявил он. Тем временем многие штаты, опасаясь того, что если протестанты продолжат использовать ограничение рождаемости, то вскоре будут превзойдены католиками по численности, провели законы, делающие незаконными использование, продажу или показ противозачаточных средств.

Чарльз Бредлоу

Собственно в Англии тоже шла борьба между сторонниками и противниками контроля над рождаемостью. В 1876 году дебошир, богохульник и член Парламента Чарльз Бредлоу и пасторша Анни Безант, в будущем социалистка, а затем последовательница Елены Блаватской, решились переиздать брошюру уже упоминавшегося американского врача Чарльза Ноултона «Плоды Философии, или Личный Спутник Молодоженов», где автор защищал контроль рождаемости. Ноултон опубликовал его анонимно в 1832 году, был несколько раз судим и даже приговорен к трем месяцам исправительных работ. Предыдущий британский издатель памфлета тоже был

успешно осужден за непристойность. Бредлоу и Безант были арестованы и предстали перед судом в 1877 году, и Чарльз Дарвин отказался выступить в их защиту. Прокурор Хардиндж Гиффорд так объяснил причину, по которой обвиняемые были преданы суду: «Я заявляю, что это грязная, непристойная книга, и доказательством этого является то, что ни один человек не допустил бы эту книгу на своем столе, ни один благопристойно образованный английский супруг не позволит иметь ее даже своей жене: цель ее состоит в том, чтобы позволить человеку иметь половые сношения и не иметь того, что по закону Провидения является естественным результатом этих половых сношений. Это единственная цель этой книги и все инструкции в других частях этой книги приводят к тому же выводу.» Оба обвиняемых были приговорены к штрафу в 200 фунтов и шести месяцам заключения, однако в феврале 1878 года апелляционный суд отменил приговор по юридическим формальностям. Интерес к этому судебному процессу со стороны публики вызвал бешенный рост продаж брошюры. Если в 1877 году было продано едва ли тысяча экземпляров, то после суда это число достигло четверти миллиона. Одновременно в Лондоне была основана Мальтузианская лига, названная в честь английского экономиста и ужасного пессимиста Томаса Роберта Мальтуса (1766-1834), который предсказал, что прирост населения неизбежно опередит поставку продовольствия, и выступал за сокращение популяции) для того, чтобы пропагандировать среди врачей выгода контрацепции.

Анни Безант

Когда в январе 1879 года неомальтузианцам стало ясно, что продолжения судебных преследований не будет, они тут заменили устаревшую книгу Ноултона брошюрой, написанной самой Анни Безант и вышедшей под заголовком «Закон народонаселения, его последствия и его влияние на человеческое поведение и мораль». «Таймс» обвинила Безант в написании «неприличной, непристойной, грязной, похабной и непотребной книги», а муж Безант добился через суд лишения Анни прав опекуна над их дочерью. Однако книга стала одной из самых популярных брошюр на тему контроля рождаемости - возможно, потому, что была написана женщиной, - и продавалась по шесть пенсов как «средство от бедности». Более того, этот судебный процесс, несомненно, создал рынок для развития новых противозачаточных средств. Между 1876 и 1891 гг. в Англии разошлось около двух миллионов книг и научных трудов, посвященных проблемам контрацепции.

Быть может главной проблемой всего неомальтузианского движения было то, что, как уже говорилось, в первую очередь медики не желали обращаться к проблемам женского репродуктивного здоровья. Как объяснила Анни Безант в своем предисловии в разделе методов

«Закона народонаселения», «дальнейшее исследование этого предмета очень необходимо, и очень желательно было бы, чтобы больше мужчин-медиков посвятило бы себя этой важной отрасли физиологии». Однако, те, кто сделал это, поплатились; в 1886 году секретарь медицинского отделения Мальтузианской лиги, доктор Генри Оллбатт, был лишен своей медицинской лицензии за публикацию «Справочника жены», книги по женскому здоровью, который содержал меньше четырех страниц о контрацепции.

Аборт

Если противозачаточные средства не помогли или женщина не могла ими воспользоваться, оставался последний способ избавиться от нежелательной беременности - аборт.

Уже было известно, что аборт, сделанный на более ранней стадии, имел меньшие последствия, чем выкидыш, произведенный на поздних сроках беременности. Однако викторианская медицина еще слишком мало знала о самой беременности, чтобы разработать ее уверенную диагностику на ранних стадиях. Поэтому в большом количестве имелись всевозможные теории, например, предположение о том, что моча беременных должна была содержать некие опознаваемые кристаллы или бактерии. Однако самым надежным оставалось наблюдение женщиной за своим собственным состоянием и различными физическими симптомами (вроде утренней рвоты).

L'Assiette au Beurre,
литография Абеля Фавра, 1902 г.

До начала XIX века общее право в Англии считало, что аборт был допустим, если производился до проявления эмбриональных движений - в основе такого представления со времен средневековья лежала точка зрения Фомы Аквинского, что душа вступала в зародыш во время первых движений плода, т.е. на 18-20 неделе беременности (вероятно, здесь играло роль и то, что при отсутствии способов раннего определения беременности, это был момент, который мог быть зафиксирован как доказательство в суде). Однако следуя протестам врачей, которые были обеспокоены опасностью процедуры и тем, что она обычно производилась немедицинским персоналом, в 1803 году, в правление короля Георга III, британским Парламентом был принят Акт лорда Элленборо, § 1 которого сделал аборт живого эмбриона тяжким преступлением, караемым смертной казнью. Правда, § 2 назначал меньшее наказание за аборт до появления эмбриональных движений - ссылку в колонию. В 1828 году при Георге IV, во время общего пересмотра законодательства, такое различие было сохранено, исчезнув вместе со смертной казнью как наказанием при Вильгельме VII в 1837 г. В 1861 году, уже при королеве Виктории, был принят «Закон о преступлениях против личности», который в § 59 объявлял аборт преступным деянием, наказуемым заключением от трех лет до пожизненного даже если он был произведен по медицинским причинам. При этом наказанию подвергалась не только сама женщина, но то лицо, которое пыталось этот аборт произвести, все равно - была ли женщина действительно беременна или нет. Этот закон оставался в силе вплоть до

1929 года. В 1869 году римско-католическая церковь со своей стороны запретила аборт при любых обстоятельствах.

Конечно это не подразумевало, что аборты не происходили. По оценке историков, в 1850-х и 1860-х годах число абортов увеличилось от одного на каждые двадцать пять или тридцать родов до одного на каждые пять или шесть родов. В 1889 году Рентоул писал: «Любой должен заметить, что хотя число браков увеличивается, число родов на каждую пару уменьшается, а также что не появляется никакого удовлетворительного объяснения этому. Вместо же уменьшения числа абортов наличествует их значительное увеличение.» По мнению одного из исследователей вопроса об абортах, от 75 до 90% всех производившихся тогда абортов делались замужним женщинам. Некоторый свет на это закрытую сторону жизни викторианских семей проливают уголовные дела, освещавшиеся в прессе. В 1896 году братья Крим устроили в Лондоне торгово-посылочную фирму по продаже простого тоника крови, который, как намекали их рекламные объявления, был абортивным средством. Братья попытались шантажировать женщин, которые записались на покупку этого средства, но их план был раскрыт и они были арестованы, осуждены и заключены в тюрьму за вымогательство. В течении 2 лет они собрали досье, содержавшее более 10 000 фамилий, а они были всего лишь одним из многих подобных коммерческих предприятий, торговавших различными типами средств для облегчения при «задержках месячных». В 1914 году, по одной из оценок, около ста тысяч женщин пытались сделать аборт, в основном при помощи лекарств.

Если в среде женщин рабочего класса в интересующее нас время были популярны сильные слабительные средства, алоэ и скипидар, то в среднем классе предпочитали осторожно рекламируемые в печати «регуляторы» и «профилактические порошки», выпускавшиеся в виде пилюль или жидких вытяжек. Эти средства должны были помочь женщине сделать выкидыш в тайне дома. Распространены были также очень горячие ванны и джин, чрезмерные физические усилия, контролируемое падение на лестничном марше или ветеринарные лекарства. Часто обращались также к услугам подпольных акушеров. По словам представителя «Британского медицинского журнала», в 1868 году более половины рекламных объявлений в газетах, предлагавших помощь дамам, страдающим «временным недомоганием», были рекламой абортов. Цены, назначаемые за эти услуги, были высокими, колебавшимися от 10 до 50 гиней, или 5% и более ежегодного дохода обычной семьи нижнего среднего класса того времени. Часто в процессе произведения аборта приходилось прибегать к услугам врача, и в этих случаях плата делилась на двоих. Одна из таких акушеров утверждала, что начала свое дело в первые годы правления

королевы Виктории и продолжала его в течении 27 лет. У нее имелись пациентки, которые обращались к ней по шесть-семь раз.

Таким образом, аборт мог быть другой причиной бездетности Уотсона. Впрочем, и первая рассмотренная здесь причина, и вторая - не более чем спекуляции. Сам Конан Дойл не давал читателям ни малейшего намека на этот счет. Не менее вероятно, что миссис Уотсон забеременела на третьем или четвертом году супружества:

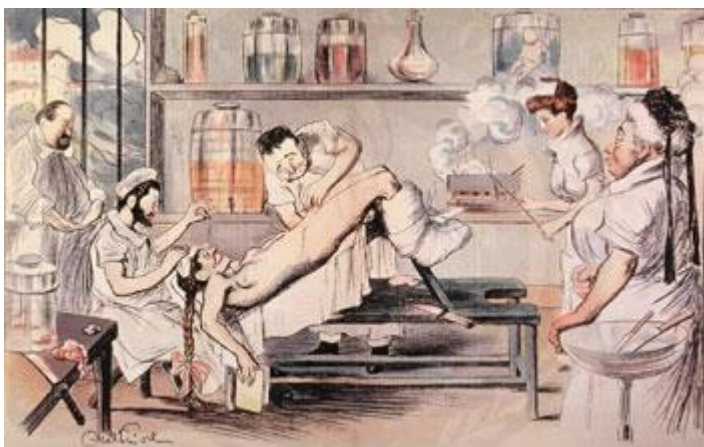
Роды

Сами по себе роды были значительно более рискованными, чем в нынешнее время. В среднем в XIX столетии в Великобритании одна беременность из 200 вела к смерти матери. Писательница Шарлотта Бронте, автор романа «Джейн Эйр», умерла от гиперемезиса (чрезмерной рвоты) беременных в 1855 году. В 1865 году Изабелла Мейзом (она же миссис Битон, «Елена Малаховец» викторианской Англии) умерла в возрасте 29 лет после ее четвертых родов.

Роды могли принимать как повивальные бабки, так и врачи - в первой половине XIX века никакого лицензирования этого рода деятельности еще не требовалось. Акушерство стало обязательным предметом для студентов-медиков в 1833 году в Шотландии и только в 1866 году в Англии.

Первое успешное кесарево сечение в Англии было выполнено еще в конце XVIII века, в 1793 году, доктором Джеймсом Барлоу. Все эти операции, правда, производились без анестезии. В середине XIX века смертность оставалась высокой и кесарево сечение часто комбинировалось с удалением матки. В 1880-х, с появлением асептики, были разработаны щадящие и «классическая» операция - вертикальный разрез в верхней части матки - стал использоваться гораздо чаще. Эти разрезы, однако, плохо заживали, и в 1906 году была внедрена современная операция в «нижней части», которая носила меньший риск последующего прободения.

Первая в мире больница, предназначенная для лечения женщин, была учреждена в Нью-Йорке рабовладельцем-южанином Джеймсом Марионом Симзом в 1855 году. Незадолго до этого, в 1849 году, он разработал операцию для лечения мочепузырно-влагалищного свища для лечения рабынь на своих плантациях и опубликовал ее в 1852 году. Ему также принадлежало создание расширителя Симза и определение необходимого положения при тазовом осмотре. В 1872 году Робертом Лоусоном Тайтом впервые была использована хирургическая операция для тубоовариального абсцесса, в 1874 он впервые удалил матку, а в 1883 году хирургия была применена при лечении внематочной беременности.

Литография Абеля Фавра, 1902 г.

Профессор повивального искусства в Эдинбурге Джеймс Янг Симпсон усовершенствовал акушерские щипцы, внедрив конструкцию, используемую до сих пор, а также экспериментировал с вакуумными щипцами. Ему также принадлежало внедрение железной проволоки для внутрисполостных швов при овариотомиях и губчатые пинцеты для расширения шейки матки. В 1847 году он впервые применил при родах обезболивающее - хлороформ, в благодарность за что его пациентка назвала свою новорожденную девочку Анестезия. Тем не менее, Симпсон встретил

сильную оппозицию со стороны врачей и духовенства, которое цитировало книгу Бытия: «В муках будешь рожать детей». В 1853 году Джон Сноу применил хлороформ королеве Виктории во время родов ее восьмого ребенка, и с этого времени хлороформ стал широко применяться в акушерской практике, а Симпсон стал в 1866 году баронетом, выбрав в качестве девиза себе на гербе слова «Victo dolore» («Побеждая боль»).

Таким образом, к концу XIX столетия были заложены основы современной акушерской и повивальной практики. Акушерки больше не были неграмотным «Сарами Гамп». Несколько европейских стран ввели правила их обучения и контроля, хотя попытки сделать то же самое в Великобритании сначала потерпели неудачу. В 1872 году Акушерское общество Лондона начало выдавать акушеркам удостоверения о компетентности, а в 1902 году «Повивальный закон» сделал государственную регистрацию обязательной и учредил Центральное повивальное бюро для регулирования акушерской деятельности. В 1881, как раз в год встречи Холмса с Уотсоном, был учрежден Повивальный институт.

Были найдены методы борьбы и с главной причиной смертности рожениц - послеродовой или «родильной» горячкой, той самой единственной болезнью, симптомов которой не смог найти у себя Джордж в «Трое в лодке не считая собаки», написанной Джеромом как раз в год свадьбы доктора Уотсона. В 1846 году венгерский врач Игнац Филипп Земмельвайс предложил ввести простые предохранительные меры, такие как мытье рук с мылом и водой или хлорирование воды перед использованием ее при родах. Смертность среди рожениц сразу же упала в разы. В 1860-х годах профессор хирургии в Глазго Джозеф Листер начал опыты по разработке антисептических препаратов. Его антисептик, использовавший опрыскивание карболовой кислотой, значительно уменьшил число смертельных случаев от общего заражения крови в общей хирургии был впервые введен в акушерстве в 1870 году в Швейцарии в городе Базель акушером Иоганном Бишоффом, который посетил Листера в Глазго. К 1880-м листеровский антисептик был принят большинством британских и американских родильных заведений, но в конце того же десятилетия современная асептика заменила антисептическое опрыскивание.

Однако риск при родах все равно оставался велик. Конан Дойл нигде не упоминал о причинах смерти, но мы, продолжая спекулировать, можем указать на третью причину бездетности доктора Уотсона. Он, вполне вероятно, даже готовился стать отцом, но роды миссис Уотсон трагически закончились для нее самой и для ее ребенка.